

Оригинальность построения сюжета комедии «Доходное место» обусловлена тем, что она явилась своеобразным «зеркалом» общественной жизни России накануне реформы. Жизненный сюжет построен на столкновении честного человека с бюрократической системой. В результате и происходит ломка его характера. Противоречивая действительность сказалась и на группировке образов. Не случайно рядом с Жадовым поставлены еще два персонажа, так называемые «внесюжетные» образы Мыкина и Досужева, столь характерные для новаторской по своему содержанию драматургии Островского. В образе Мыкина в самых общих чертах намечен характер просветителя, труженика-аскета. По словам Добролюбова, Мыкин «чист, потому что ни в каких общественных службах не участвует». Его антипод Досужев — воплощение компромисса, на который в конце концов идет и Жадов (в кульминации пьесы). Добролюбов подчеркнул, что Островский рисует Жадова «решительно неспособным к той борьбе, которую он принял было на себя». Очень ценно сделанное в связи с этим признание революционного демократа, что Островский не встал на путь либерального обличительства, что такой «талант» не способен «исказать настоящую русскую действительность». Именно демократизм драматурга и его «требование художественной правды» сыграли решающую роль.

Современная Островскому передовая критика упрекнула его за мотив «воскресения» в развязке комедии поколебавшегося было героя. Такой упрек определялся революционной ориентацией Чернышевского и Добролюбова. Островский не ориентировался на революцию, не знал путей преобразования общества, но как демократ выражал уверенность в конечном торжестве справедливости и был по-своему прав.

Исследователи творчества Островского не раз указывали на сходство конфликта и вытекающего из него действия в «Доходном месте» и «Горе от ума». Здесь хотелось бы отметить, что в отличие от Грибоедова Островский сумел показать борьбу внутри сословия не только в одной из фаз, а в ее развитии, текучести, изменчивости. Это определило основные черты самобытности «Доходного места», которое и по сей день волнует зрителя как символ драматической борьбы нового со старым.

Говоря о преемственности между русскими драматургами — Грибоедовым, Гоголем, Островским и другими — нельзя забывать об их прямых предшественниках, комедиографах XVIII в. В результате сопоставления мы пришли, в частности, к выводу, что «Ябеда» действительно «явилась предшественницей таких вершин русского критического реализма, как „Горе от ума“ Грибоедова, „Ревизор“ Гоголя ... комедии Островского».¹⁷

¹⁷ П. Н. Берков. Василий Васильевич Капнист. Изд. «Искусство», М.—Л., 1950, стр. 70.